

Свобода от классов

Зверев А.О.

Самой либеральной школе на свете — «Парку открытых студий» при НПО «Школа самоопределения» исполнилось 10 лет!

Достоин ли десятилетний ребёнок полной свободы? Всеобъемлющей, не на один раз — типа «сегодня играем в день «открытых дверей»? Способен ли человек, едва миновавший начальную школу, её, свободу, оценить и правильно ею распорядиться? Этот вопрос я задавал многим взрослым, ратующим за права и свободу.

Борис Немцов похоронил подобный проект в зародыше: «Вот булочная, там с десяток сортов хлеба. И что, вы маленькому ребёнку доверите самому в них разобраться?». Руководитель одного из радиоканалов с внушительным педагогическим стажем пожал плечами: «Легко отменить оценки, звонки на уроки. Хотелось бы понять — зачем». Ирина Хакамада темпераментно и долго предостерегала от маниловщины: «Вы ему полностью доверяете, этому Филиппку? Отлично, он у вас вообще никуда не пойдёт. Будет в коридоре мяч гонять до вечера. Вы за абсолютную свободу? Абсолютной свободы не бывает, школа — не рынок, а серьёзный социальный институт...»

В этом они все, наши либералы. Рассуждают. Нет бы приехать в московскую «Школу самоопределения» А.Н. Тубельского и все увидеть самим. Десять минут на троллейбусе от метро «Первомайская» — и вы в царстве абсолютной, изумительной свободы. Видели педагогический рай? Так вон, посмотрите!

Не хотят. Десять лет я тщетно приглашаю самых влиятельных и умных деятелей политики и школьного образования страны в гости к Тубельскому.

Мне говорят: «Спасибо, но так не бывает». И на все лады доказывают... то, что изо дня в день блистательно — на деле! — опровергает педагогическая команда «Школы самоопределения».

Известный предприниматель-«яблочник» Михаил Юрьев, входящий в сотню самых богатых бизнесменов России, так прямо и сказал мне, сидя в кресле вице-спикера Госдумы второго созыва:

«В государственных школах никаких «выбирает ребёнок» быть не может. Ни министр, ни законодатель, ни правительство на это не пойдут. Образование, за которое платит государство, будет происходить всегда и только так, как хочет государство». Так что, мол, не переживайте. И вся демократия...

Детки без клетки

Из концепции проекта: «Свободная парк-школа — это сеть класс-студий, открытых на вход и выход. Именно открытый доступ в студию и выход из неё переводит все процедуры школьного образования из средств воздействия в ассортимент услуг, предлагаемых клиенту».

По этой вроде бы нехитрой, но вызывающе свободной технологии выпустили уже три поколения учеников.

У нас с вами, читатель, была школа-поезд: посадили и везут, как инвалидов, по единым рельсам, изредка выпуская покурить с друзьями на перроне. А у них — открытый космос. Рельсы кончились! Вообразите: начиная с пятого класса, день за днем, подростки, говоря образно, вольно плавают по расписанию, приставая к тем наставникам и классам (то есть к свободным парк-студиям, а их порядка тридцати — на выбор), куда зовет душа. Десятый год учителя парк-школы учатся работать с переменным, разновозрастным — словом, с непредсказуемым составом слушателей.

«Почему на свете нет завода/Где бы делалась свобода?» — вздыхал Бродский всего тридцать лет назад.

И вот, извольте, есть теперь такой завод. Один на планету, очень маленький. Но свой зато, в России собранный. Новый вопрос: кому, ну хоть кому-нибудь в этой стране, считающей себя вполне демократической, он нужен?

В своё время Галина Старовойтова не без труда пристроила к Александру Тубельскому внука. Сильно, говорят, волновалась: впишется — не впишется? Мальчишка молчал два дня, на третий озадаченно спросил бабушку: «Я только одного не понял: кого в этой школе надо бояться?»

Другая мама, тоже доверившая сына школе-парку, не без удовольствия призналась: я заметила, что у него коленки перестали подгибаться и дрожать при входе в школу.

Результат номер один: исчез у человека страх перед учителем (классом, оценкой) — испарился, будто не было. Разве не педагогический это эффект? Так что парк живёт теперь без этих вековечных треволнений, нервных тиков, фобий, ночных энурезов. Кто сказал, что свобода — непродуктивна?..

Для современного ребёнка школа — чаще всего плаха, место унижений. Многие ходят сюда, как в комнату ужасов. А тут все улыбаются, директор за руку здоровается с каждым сопляком. Или за макушку мимоходом ласково эдак потреплет (психологи уверяют, что это самый сильный из известных науке методов энергетической поддержки).

Впрочем, что дети. Школу, как выясняется, боятся даже председатели правительства. Ясным осенним днем, когда Анатолий Чубайс проводил здесь свою авторскую студию, ему позвонили из приёмной В.С. Черномырдина. Трубку взял помощник будущего «главного электрика» и передал школьной секретарше. Та молниеносно «разрулила» ситуацию и глазом не моргнув: «Он на уроке, что тут непонятного? Перезвоните через час!». Больше Чубайса во время уроков из Белого дома не беспокоили.

«Боялись ли мы начинать? Еще бы, — вспоминает преподаватель математики и экономики, ведущий студии «Живая геометрия», один из координаторов «Парка открытых студий» Татьяна Шагова. — По большому счету, страхов была два. Первый: все дети ринутся на живопись и физкультуру. Эта гипотеза не оправдалась. Получив свободу, они, вопреки ожиданиям, не потеряли голову, а, напротив, начали использовать её по прямому назначению...»

Ну, например, если в спортзале тесно, громко, крики, суета, то спокойно идут дальше, ищут себе место поуютнее, потише. Свобода, понимаете ли.

Кому-то после трудного вечера в домашнем кругу нужен элементарный комфорт: добрый учитель, солнечный, нарядный класс, аквариум, музыка, стакан горячего чая. Кого-то, неисправимого лирика и романтика, друг чуть ли не силой затащил на «Экономику частного кредитования». И тот остался, а потом снова пришел: захотелось! Ещё один заключил пари с друзьями, что сдаст годовой курс русской литературы за месяц. Пятого пригласили в мастерскую набросать проект книжной стенки для малышей...»

«У каждого своя, неповторимая тропа к общественно доступным знаниям, свои порывы благородства, любопытства, честолюбия, своё понятие о пользе, идеале, интеллектуальном кураже, а мы их педантично изучаем, эти самые образовательные стимулы, — продолжает Татьяна Сергеевна Шагова. — Потому как мало педагогу открыть дверь учебной комнаты. Надо ещё извернуться так, чтобы они мимо кабинета не прошли. Развернуть грамотную рекламу своей студии, научиться вовлекать детей в общую работу — по интересу, а не «по списку»...»

«Далеко не всегда решающим фактором при выборе студии служит личный интерес, — уточняет один из идеологов парк-школы Ольга Леонтьева. — Часто ребята ходят на занятия стайками, им важнее, с кем заниматься, а не чем. Они поддерживают друг друга гораздо лучше, чем это могли бы сделать взрослые. Поэтому и занимаются усерднее. А расширив своё образовательное поле, ищут себе новых друзей».

В студиях педагоги создают рабочие места для свободно кочующих тинейджеров: здесь микроскоп, тут редкая энциклопедия, всамделишный гончарный круг, хореографический станок, поломанный магнитофон (ровесник XVIII съезда комсомола), мудреная электрическая схема, жалкие останки бабушкиной швейной машинки. Выбери, к чему лежит душа. Времени впереди — море. Ну, пять школьных лет как минимум. Так что ищи себя, будущий народ, сажай свои ошибки вволю. (Заметьте: координатор проекта, наставник, товарищ по классу, учебник, видео-, медиабiblioteca всегда под рукой.) К вашим услугам интернет-кафе, радиорубка, медицинский кабинет, читальный зал, канцелярский офис генерального директора... Кто-то зашел в «Студию художественной вышивки» за коробкой карандашей, а кто-то, чтобы только навестить приятеля. После чего на общем сборе (стулья расставлены «глаза в глаза» — орлятским кругом*) необходимо поделиться нажитым АВТОРСКИМ опытом, освоенной темой с друзьями, устроить презентацию своей работы.

* «Чтобы дети видели глаза, а не спины друг друга. Как люди, когда они общаются», — комментирует один из идеологов проекта «Школа-парк» Ольга Милославовна Леонтьева.

...Слушающий (ученик) берёт у говорящего (учителя). Так школа приучила думать. А на самом деле? Берёт тот, кто отдаёт. Дарит себя дорогим и близким современникам. По закону Шота Руставели: «Что сберёг, то навеки пропало. /Что отдал, то навеки твоё...»

Важный момент. Именно здесь, на коллективном подведении итогов, частное, живое видение мира обретает панорамное, полифоничное, общественно полезное звучание и ценность.

В исторической студии у Евгении Соколовой старшеклассники с восторгом составляют кроссворды по эпохе Возрождения, пишут «Исповеди древнего римлянина», готовят уроки для младших классов. А у биолога Ольги Леонтьевой выют... гнезда (идея А. Тубельского) не хуже ласточек, пишут научные трактаты вроде «О влиянии курения на рост волос». И непременно представляют результаты своих частных изысканий друзьям. То есть регулярно вкладываются, отчисляют персональную валюту знаний в общую кассу парк-студии. Не исключено, что где-то в этой точке технология парк-школы обретает мощный воспитательный подтекст. На сцене появляются давно забытые герои: помощь, взаимовыручка, взаимообучение, сотрудничество...

Школу теперь можно полистать. Как свежую газету.

«У меня был мальчишка, который весь год в шестом классе соорудил керамическое панно — обезьяну, — говорит директор «Школы самоопределения» Александр Тубельский. — Он не ходил ни на какие другие студии, а все лепил, сушил, раскрашивал. И всем показывал свою любимицу. И мы терпели. Потому что у него было дело, а в нашей школе мы гарантируем полную свободу совести и действий. Как мы потом поняли, эта обезьяна его спасла: мальчишка стал более серьёзно заниматься школьными науками. Не сразу. Но увлечённо. Ведь он вложил в школу свой труд». Его изделие, кстати, до сих пор висит над школьной столовой и корчит гримасы входящим.

Кое-какие опасения, конечно, были и у самих изобретателей парк-школы. И даже не страх пустого класса, когда к педагогу вообще никто не пришел (хотя и он, родимый, в сердце педагога своё место занимает постоянно, никуда не денешься — зато не позволяет расслабляться, почивать на лаврах). Думали, что дети начнут учиться импульсивно, вроде как наощупь, без всякой системы, по наитию, порывами. Или, допустим, выбирать предметы и ремёсла из подросткового чувства протеста, свойственного этому возрасту духа противоречия. Не только проницательнейший Б.Е. Немцов да вьедливая преподаватель экономики рынка проф. И.М. Хакамада, но и другие далеко не глупые люди, даже знатоки детских сердец от Чернышевского до Ушинского предостерегали именно от этого «бессмысленного и беспредметного блуждания ученика» вслепую, наобум по *Храму Великой Культуры*.

Но... у Тубельского всё оказалось проще и куда разумнее. Всем детям, поступившим в «Парк открытых студий» (можешь, впрочем, остаться в рамках обычной муниципальной школы, каковой учреждение под вывеской «Школа самоопределения», собственно, и является), отводят две недели на знакомство с новыми классами, с новыми педагогами, кружками, предметами, друг с другом.

Результат номер два: именно в эти две недели первых «неопытных» экскурсий по парк-школе у ребят (как они сами признаются) появляются, и часто — на всю жизнь, друзья из параллельных классов, будущие «попечители» и «подопечные», учебные «братья» и «сестры» в многомерной, разновозрастной и пёстрой школьной вертикали.

Вот, однако же, какое важное изобретение!

Школу, как свежую газету, можно, оказывается, вначале повертеть в руках, перелистать с конца в начало и наоборот, неторопливо разглядеть картинки, фотографии признанных мэтров, изучить рекламу, расписание работы. И потом только составить о ней первое, осторожное мнение; некий, весьма пока еще примерный план «прочтения» этой газеты.

Повертели? Теперь ребёнка анкетировать: просят отметить студии, которые особо приглянулись, высказать пожелания, задать вопросы *Мастерам*.

И опять: не за одну секунду. Эту анкету-список из 30 студий, секций, клубов, мастерских дети несут домой и там обсуждают обстоятельно, семейно, пункт за пунктом, размечая занятость ребёнка на неделю, а то и на месяц вперед.

Мы же, признаемся без ложной скромности, настолько порою нетерпеливы в тонком деле диагностики чужой души, что анкетировать ребёнка чуть ли не с порога, на ходу. Он, бедняга только ещё, дай бог, табличку над входом успел рассмотреть, сменные туфли переобуть. Куда, право, спешим? Не отдышался ещё человек. Неужели десяти лет непрерывных письменно-бумажных «срезов», тестов, «взвешиваний», контрольно-принудительных обмеров и работ не хватит?

Реформа на «клеточном уровне»

«Почему все школьные реформы терпят крах?» — ставит вопрос статья известного ученого в толстом заокеанском еженедельнике. И вправду, крупные национальные проекты редко сочетаются с успехами на (как пишет автор) «клеточном, даже атомарном уровне». На уровне класса, урока, ребёнка.

Набили оскомину песни о самобытности ученика, призывы уважать его достоинство, дать, наконец, ему возможность поделиться личным интеллектуальным достоянием. Но есть ли у него, у недоросля десяти — четырнадцати лет, это «свое»?

Вспомним, учителя-новаторы, провозгласившие на заре перестройки принцип сотрудничества с детьми, споткнулись, по сути, о тот же бордюр: готовые знания можно закладывать в детские головы и без сотрудничества. Вот почему так важно понять: что такое этот самый личный капитал ученика — его свободное, живое знание? И невзначай увидеть: детский рисунок, вывешенный в холле всем на радость; костюм, сшитый за ночь к общему празднику; салат, нарезанный старшеклассницей в школьном кафе; сказка-урок, поставленный студийцами в «дочернем» детском саду; отремонтированная парта, декорация для школьного спектакля — всё, что можно подарить, отдать другому, пустить в общее дело — это и есть знание в самом капитальном, персональном, социально ценном виде. А остальное можно только «взять». В том же учебнике. Однако в 90 случаях из 100 такие псевдознания в жизни, говорят, не пригождаются.

Рассказывает Наташа АЛИЕВА:

— «Парк открытых студий» — это отдельное государство, в нём есть весёлые и грустные, добрые и злые, умные и глупые, но каждый из этих людей имеет право высказать свою точку зрения, и это бесподобно! Ещё у «парка» расписание другое. Нам

раздают в начале года листок с перечнем классов и студий. Мы выбираем уроки, на которые хотели бы ходить. Но любую «клетку» можно всегда поменять, если тебе что-то не понравилось. Мне кажется, что школа-парк это пространство, которое объединяет людей.

Уйти или остаться?

Но мучил, что скрывать, новаторов и третий, самый, казалось бы, парадоксальный вариант развития событий. А вдруг подопытные пяти — семиклассники вовсе не захотят свободы? Останутся сидеть на хорошо обжитых, крепких, безопасных стульях государственного расписания. Или, допустим, учинят наставникам бойкот?

Автор этого проекта, известный философ и педагог Милослав Балабан (1927–2005), так и эдак убеждал коллег в том, что, свободно перемещаясь по открытым студиям, школьники быстро освоятся и станут активными клиентами в этой маленькой модели рынка. Но скептики сомневались: а если вообще никуда не пойдут? Оккупируют свои любимые углы, уборные, чуланчики и холлы, станут травить анекдоты целыми днями и семечки лузгать. И что тогда?

Накануне первых новогодних каникул у ребят из «рыночного сектора» спросили: «Чему вы научились за истекшие полгода?» Думали, те станут погибать на пальцах приобретённые умения и навыки. ЗУНы, как мы говорим. А дети, не сговариваясь, твердили (в анкетах): «Мы научились уходить (из класса, «места обязательного заключения». — А.З.)). То есть искать свою студию, дело по интересу (таких было примерно половина ответов). Стало быть, такую, где можно вырезать ложку из дерева, смастерить стильный подсвечник, разделочную доску для домашнего хозяйства, починить гитару, сколотить для гостиной журнальную полку, научиться разбивать палатку, вязать морские узлы, составлять меню для многодневного похода, проектировать большие праздники и развлекательные шоу для ровесников.

И вновь слово берет Ольга Леонтьева, биолог, кандидат педагогических наук: «Маленькие предпочитают всё больше молча из студий уходить, а вот старшие заранее предупреждают: «Я тут к вам ненадолго». Или: «Завтра, Ольга Милославовна, наверно, не увидимся. Но это неточно, утро покажет...» Это проблема для учителя, укол в какой-то мере по его самолюбию профессионала. Поэтому хозяин студии настойчиво торгуется, борется за каждого клиента. «А ты, Никита, найди время, уж постарайся, дорогой, я буду тебя ждать, это полезно нам обоим».

Эти освоили науку вольных странствий по студийным лабиринтам. Остальные научились честно, МОЛЧА (важное слово!) оставаться. Делать, опять же, свой выбор, несмотря на то, что студию покидают твои друзья. Разве не так и выражается обычно взвешенная, выстраданная, зрелая воля гражданина? Вот и у Пушкина: «Никому отчета не давать, себе лишь самому/Служить и угождать... Вот счастье! Вот права...»

Но обладаем ли мы сами (люди вполне взрослые) такой же или хотя бы близкой степенью счастливой (по Александру Сергеевичу) раскрепощённости?

Недавно на Сиреневом бульваре собирались руководители образования — организаторы «школ полного дня» почти изо всех городских округов. Хозяева парк-школы пригласили уважаемых гостей, в частности, на студию черчения. Тема занятия преподавателя черчения и физики Владимира Курашова была посвящена работе над эскизом будущего книжного шкафа для кабинета.

О, это было нечто. Пятиклассники сели за парты вкруговую, то есть не в затылок, а глаза в глаза друг другу. И, поигрывая клавишами калькуляторов, чертили, рисовали, строили макеты, уточняли площадь кабинета, отведённую под место для их творчества; изредка вежливо и тихонько, чтобы не мешать соседним группам, дополняя и поправляя коллег по проекту.

Скромные же гости скученно сбились в самый дальний угол студии и оттуда, издали, пытались присмотреться к действию. Им, конечно, было абсолютно ничего не видно, не понятно и не слышно. Но смело встать и подойти поближе, чтобы лицом к лицу, «на пальцах» разобраться в тонком, неопишимо шустром, многоголосом студийном процессе, а тем более, включиться в совместный проект им было... ещё неудобнее. Проклятая советская инерция! «Этика наоборот», карикатура на вежливость! Неистребимый школьный страх покинуть «свое», «забронированное» государством место оказались сильнее обычного, праздного и даже профессионального любопытства.

А дети занимались своим крайне важным делом (соединившим в себе сто наук — от столярного ремесла, основ офисного дизайна и искусства вести диалог с партнёром на равных до азов математики, картографии, черчения, жилищного строительства), весело расхаживали по классу, гудели, спорили. Впрочем, «старшие учителя» (иногда их тут зовут подмастерьями) — координаторы Илья и Артём из 11 и 9 классов не давали им особо разойтись.

Результат номер три: дефицит штатных, дипломных учителей в парк-школе отныне легко восполняют здешние волонтеры, добровольные, вольнонаемные «учителя» — ученики из старших классов, кураторы (тьюторы) многих творческих событий «парка». В них, кстати, в своих старших «братах», маленькие ученики души не чают.

Пока «чужие» педагоги добросовестно скучают на «камчатке», спрашиваю у студийца Данилы Плотникова одиннадцати лет: «Как дела? Чем занимаешься?» «А у меня тут много друзей, вот, пришёл повидаться... Вместе работаем, — говорит. — Предложил им план модернизации класса черчения...» А ребятня рядом хохочет: «Будет еврокабинет!!!»

Педагогическую подноготную происходящего вызвался прокомментировать... двенадцатилетний (!!!) Макс Токлаков: «Сейчас мы разбились на команды, и каждая предлагает свой вариант реставрации старого помещения, со своей зоной отдыха, аудиосистемой, мебелью, местом для подготовки домашних заданий...».

Выходит (или мне только показалось), мало того, что Макс научился здесь чертить, нет, он постиг попутно нечто не менее ценное. Умение понять, что происходит вокруг, и скоординировать по мере необходимости действия разнонаправленных сил и сотрудников.

«Раньше я учился в школе Монтессори, — признаётся на ходу один из студийцев. — Но тут нравится больше. Почему? *(Пауза.)* Я тут больше общения получаю!»

Смотрите, ещё интересней. Миллионы детей ходят в школу за готовыми науками и знаниями, а эти деловые парни ещё и — ЗА ОБЩЕНИЕМ.

С элементарного желания поднять себя над партой, вознестись над скукой запертого кабинета; над собой; сорваться с места и отправиться на поиски неведомого, нового (кружка ли, урока, собеседника — общения!), возможно, начинается и то, что так отчаянно и безуспешно ищем. Всею страной. Но ищем почему-то, не сходя с насиженного места. Неподвижно, в полудрёме. «Хорошо сидим», — сказал один великий литератор. А другой прибавил: «Главное — сидим на правильном пути!»

Юбилейный педсовет

Александр ТУБЕЛЬСКИЙ: шесть лет на сочинение «школы без классов»

Лишь на пятом-шестом году жизни мы смогли определить идейно-правовую формулу, основу нашего сообщества. Хотя можно было пригласить учёных, и они бы всё придумали. Можно склеить ту же концепцию из умных научных журналов. Но гораздо интереснее, полезнее, по-моему, строить её самим, по мере того как меняются дети, родители, учителя. Тогда и результат другой — живой, объединяющий людей.

Ребёнок приходит в мир не чистым листом бумаги, а чтобы исполнить себя, своё

предназначение — вот главная мысль. И постепенно расширяет, разворачивает свои силы. Школа должна стать системой помощи ему в этом развитии. Совокупностью условий, позволяющих и ошибаться, и идти вперёд. Это, конечно, сложно претворить в учреждении, построенном по принципу «Я тебе дал, а ты верни, что получил, в исходном виде». Но для того и создается свод совместно выработанных норм и правил, своя Конституция: помогать ученику искать свои ответы на свои вопросы, не чиня препятствий. Это и есть уклад, way of life, противоположный авторитарному. Оказывается, сильнее всего ребёнка (да и вообще человека) волнует невидимое глазом наполнение привычных форм — hidden curriculum, так называемое скрытое содержание школы. Иначе говоря, демократический уклад, организация образования, которая считается вроде бы делом второстепенным, на самом деле и есть ключ к сердцу ребёнка. И тем, что, по данным ЮНЕСКО, определяет эффективность всего школьного дела.

Основные черты нашего уклада — возможность выбора; создание свободных пространств для «необязательных» проб и ошибок, художественного творчества, свободного общения, игр и социальной практики. Всё это по желанию, конечно, а не по программе.

Как защитить достоинство незащищённого?

Почему подростки не хотят учиться? Не пять, не двадцать, а все 90%.

Тут главная загадка. Чему учить детей, решает общество, правительство — это нормально, здесь загадок нет. Но — КАК это делать с полной продуктивностью и выкладкой? Можно ли стать самостоятельным, ответственным, лишь на себя похожим человеком, самоценным индивидуалом, если в школе за тебя уже всё решено? Больше того — стать в этих условиях АВТОРОМ своего образования?

Мечта. Но над ней мы и бьёмся. У нас до седьмого класса отметок не ставят. Так договорились. В один день — хоп! — и лишили учителя возможности пользоваться этой страшилкой.

Сократили уроки с 45 до 35 минут. Это изменение привело к тому, что учитель не смог прибегать к стандартным разработкам и требовать с детей стандартных правильных ответов — пресловутой «нормы усвояемости».

Кроме того, мы поняли, что есть дети, очень много детей, которые осваивают мир через ДЕЛО — деятельность, творчество, искусство.

Поэтому и покусались на святое — на *Её Величество Программу*. Прежде чем попытаться сделать ученика автором его образования, предложили учителю стать автором своего, ну, хотя бы урока. Было очень трудно. Эта работа не закончена и до сих пор.

Особая статья — родители. Семья ждёт, как вы понимаете, максимального успеха в наикратчайшие сроки. И связывает этот успех лишь с овладением академических наук. Как правило.

Но не менее важно умение осваиваться в неоднородной, реактивно развивающейся ситуации; сохранять себя духовно цельным рядом с людьми иных миров, настроенными порой совсем не благодушно. Эти универсальные умения даёт только по-настоящему значительное образование. Приходилось убеждать в этом семейную общественность. Пример: дети готовили вечер «Профессии моих родителей» и приглашали в школу своих близких. Или отчитывались перед старшими на той же школьной сцене о водном походе по северным рекам или о поездке в Кострому. Называется «родительское собрание». Результат: родители помаленьку занимают нашу сторону.

Был деликатный момент. Опросили детей: часто ли вы испытываете в школе унижение, несправедливые нападки, дискомфорт? Посыпались признания. Много записок. «Старшеклассники толкаются в очереди к буфету». «Друзья обзывают «грузином». «Сосед по парте пристаёт с глупыми шутками». И тому подобное. Значит, проблемы есть, а мы их поминутно пропускаем, как плохой вратарь, в свои ворота. Вместе выбрали комиссию из учителей и взрослых, приняли первый закон «О защите чести и достоинства ученика». Это было в 1989 году. Значит, за шесть лет до создания «парка».

Куда нам без Макаренко, или «Чудо по тону и движению...»

В «Парк открытых студий» (идея принадлежит доценту МГУ М. Балабану) мы намеренно позвали ребят разных возрастов — из пятого и седьмого классов. Смельчаков тогда, осенью 1995 года, набралось человек 70. Сегодня в «парке» их чуть больше ста — каждый седьмой примерно ученик школы. Кто же откликнулся и предпочёл обычному учению свободу? Самые, как мы их называем, трудные ребята, а на самом деле — «недолюбленные», которым тепла в жизни не хватает остро, хронически. Ещё особо одарённые, поскольку парковая свобода планирования жизни не мешает их индивидуальным увлечениям. Кроме того, на свободу «клянули» наследники, так сказать, отчаявшихся родителей. Или же выходцы из тех семей, которым «все равно». Но, подчеркну, все они делали этот свой выбор осознанно.

Скоро возникшая в этом пространстве добрая, внимательная атмосфера (где ребят ничто не раздражает), собственно, и остается главной достопримечательностью и итогом обучения парк-школьников. Все остальное можно ставить под вопрос. (Оцените, уважаемый читатель, степень чистоты эксперимента и самокритичности его руководителей. — А.З.) Одно скажу твёрдо, без тени сомнения: старшие «студийцы» довольно скоро заняли по отношению к младшим очень трогательную и очень продуктивную попечительскую позицию. Они скучают друг без друга, искренне болеют за своих шефов и/или подшефных. Вот где один в один, воочию воплотилась старая, легендарная цитата из Антона Семёновича Макаренко: «Если я что-то и открыл в образовании, то это разновозрастной коллектив — чудо по характеру движения и тону...».

Татьяна ШАГОВА, мастер студии «Математика», координатор «Парка открытых студий»: *Учи другого — сам поймёшь!*

Сама структура «Парка открытых студий», его разновозрастных групп настраивает мысль ученика на постоянный самоанализ. Обсуждая с тьютором набор предлагаемых студий или самостоятельно составленное расписание, он уже учится обосновывать свои решения, прогнозировать результаты. То же и на занятиях: выбирая тему, задание, объём, способ работы, срок сдачи (в форме зачёта или проекта) и её жанр, ученик становится активно действующим соавтором студийного процесса. И если отправное пожелание, букет идей, сценарий будущих визитов к *Мастерам* исходят от него, а не от взрослого, то значимость, соединённый «геополитический» эффект такого «парка» повышается в разы. Ребёнок охотнее корпит над своим замыслом, готов обсуждать, углублять накопленный опыт, делится им с другими и не сторонится рефлексии.

Наличие на студиях детей разного возраста, культурных взглядов, кругозора и т.п. позволяет им соотносить себя со многими другими, обогащая ненароком информационный и духовный арсенал друг друга.

Итоги коллективной деятельности в студиях подводятся на общих сборах (раз в полмесяца): устно (по технологии «открытого микрофона») или в виде письменных ответов на вопросы педагогов.

Нами освоен и другой довольно интересный опыт рефлексии. Например, так называемая «игра в слонов», когда ученики расплачивались с *Мастерами* за оказанные им услуги «слониками» — самодельными деньгами. (Дело в том, что симпатичный слоник олицетворяет собой символ нашей Школы самоопределения.) Сумму оплаты и «прирост личных знаний» определяли сами покупатели услуг — ученики. Это позволило им лишний раз задуматься над эффективностью и результатами своей работы в «парке».

Второй этап игры дал некоторым из них шанс побывать подмастерьем. То есть примерить на себя роль профессионального учителя. В результате многим она оказалась не по росту. Что ж, зато они сами вскрыли свои недостатки в искусстве общения, умении слушать, объяснять, точно ставить вопросы. А те, кому педагогическое ремесло пришлось «к лицу», впоследствии на протяжении нескольких лет «работали преподавателями» на

самых разных студиях.

Смена форм образования — скажем, «непринужденных странствий по «парку» на «трехдневные погружения в математику и словесность» — дала новую пищу для размышлений плюс возможность выбрать для себя наиболее приемлемую модель образования.

Кроссворды помогли понять: оказывается, и на уроке географии можно вырасти поэтом. Вслушайтесь: «талия Земли!» А по науке всего лишь — экватор. Так что теперь, если, допустим, отвечая геометрию, запомнил слово из 4 букв, означающее фигуру типа ромба, то можно сказать проще: «окосевший квадрат» И все тебя поймут.

Предложив раз детям написать историю злоключений древнего римлянина от его собственного имени, историк Евгения Соколова пустилась на хитрость: только пишите, мол, с ошибками, по-настоящему.

Поскольку абсолютной пустоты в натуре не бывает, то вытесненный страх перед орфографической ошибкой пробудил бешеную силу фантазии в умах ребят.

Но гениального гендиректора Тубельского, к слову, это ничуть не смущает: «Пусть лучше ошибаются, создавая своё, чем повторяя чужое. Это сильно подвигает к самообразованию. И вообще, грамота должна обслуживать авторский стиль, вот её место; свой стиль и надо нарабатывать, а не пустое, механическое повторение прописей».

Евгения СОКОЛОВА, руководитель студии истории:

— Я под кресло начала сползать, когда увидела их активность на подготовке к общему школьному празднику. Ведущий обращается к залу: «Кто возьмется за сценарий?» Вся парк-школа поднимает руки. Ведущий: «Хорошо. А кто оформит декорации для заседания Олимпа?» Парк-школа снова чуть ли не со стульев падает, желая, чтоб её заметили. Только и слышно: «Мы! Мы! Поручите нам!» Остальные сидят рядом, будто не отсюда детки, о чем-то своём думают. Их пригнали, а эти — своими ногами пришли сюда работать. По осознанному выбору.

— Не много ли ответственности взвалили мы на подростков? Может, она лишает их прелестей детства? У классика: «И праздномыслить было мне отрада...» — помните?

— Свобода лишает их детства? Тогда у меня такое наблюдение в ответ. Возьмите деревенских пареньков. Люди хозяйственные, правда? Сами гусей пасут — прутик найдут, удочку вырежут, картошки накопают, договорятся с соседями, чтоб посторожили в случае необходимости. А рядом городской школяр. Суроков приполз, плюх в мягкое кресло, книжку под бок и щелкает туда-сюда пультом ТВ.

Но кто из них больше лишён детства?

Дети в «парке» — с неизменной улыбкой, с приветливым: «Здравствуйте, чем могу помочь?» — подобно сельским сверстникам кажутся маленькими мужичками. Но — подумайте — за целую ватагу гусей отвечают. И за дом, пока родители на ферме. А городские — даже за свои уроки не в ответе.

* * *

Пока учёные спорят о степенях и границах дозволенной ученику свободы, педагоги-исследователи из парк-школы Александра Тубельского упразднили все границы до одной.

С годами некоторая предварительная настороженность по отношению к «парку» со стороны местной «внепарковой общественности» меняется на потепление, а где-то — на открытую симпатию к «отвязанным» студийцам. Тоже, возможно, результат парковой кухни. Весьма даже значительный.

Оказывается, встать и на виду у всех покинуть хорошо отлакированное «пятой точкой» место — далеко не каждому под силу. Бросить вызов устоявшейся системе непрерывного поддакивания педагогу. Это умение, похоже, школа отбивает. Шутка сказать — лишает вкуса к риску, обретению себя, своего неповторимого рисунка поведения.

Мирно загорающий на солнцепёке у окошка середняк удобнее для школы (и традиционного общества), чем предприимчивый, всегда включённый в дело и открытый для другого «выскачка». Может быть, в этом понимании и состоит самый серьёзный результат 10-летнего эксперимента. Дети, как и мы, по-прежнему побаиваются неопределённости, обходят стороной за десять вёрст «нежданную» свободу, за которую потом придётся отвечать. Так, может, лучше им и не мешать — пусть детство продолжается?..

Мы-то, наивные, думали, что человек — это просто. Щепоть грамоты, два иноземных языка, история, компьютер, музыка — и гражданин готов. Но ведь всё это может и ЭВМ! Даже компьютер может «взять». А человек — обязан подарить, раздать себя ближним и дальним. Роду людскому. На все времена...

Все боялись: разлетятся дети врассыпную, убоятся воли, не снесут. Но в «парк» вошёл каждый седьмой из «Школы самоопределения». А среди них только примерно каждый второй (около 50%) воспользовался предлагаемой, по существу, неограниченной свободой. Остальные, оставаясь жить при «парке», учились по твёрдому классическому расписанию. Вот такая вышла золотая, симметричная пропорция: фифти-фифти, пятьдесят на пятьдесят. А почему? Возможно, у читателя появится своя гипотеза на этот счёт — ждем ваших версий!

Никто не водил их по пустыне 40 лет. Но вот — свободные. Кроссворды сочиняют на уроках географии. Диссертации защищают по астрономии. Музей редких гербариев создали: старшенькие водят сюда младших, даже из детсада.

Татьяна Шагова, координатор школы-парка: «Методика, по-моему, всегда начинается с постройки отношений «человек — (другой) человек». Без этих отношений нет взаимного доверия, ощущения общего дела, чувства хозяина — они просто разбегутся кто куда. Значит, свобода вне этики — химера?!